

Андрей Мансуров

Волчица

«Автор»

2014

Мансуров А. А.

Волчица / А. А. Мансуров — «Автор», 2014

Человечество двадцать девятого века вышло в космос и населило его. Однако беспрепятственной колонизации новых миров предел поставила война. Бескомпромиссная, жестокая, с глобальными зачистками уже колонизированных планет от их населения, и угрозой тотального уничтожения людей как расы. И только новая тактика, перенятая у технологически более продвинутого противника, позволила добиться паритета – хрупкого балансирования на грани выживания, когда оружие победы куется всеми. И – везде. И – всегда: по двадцать четыре часа в сутки работают все производства! Острием же Оружия Армии и Флота в войне являются элитные бойцы. Избранные. Экипажи танков-торпедоносцев, гиперядерной торпедой в кратчайшие секунды обезвреживающие ключевой элемент обороны врага: корабля-Матки. А когда оборона врага сломлена, производится зачистка – уже от колонистов врага... Но чтобы стать членом экипажа танка, оказывается, нужно обладать - определенным складом ума, сильным характером, волей, и... Научиться быть партнеру духовно близким! Что в эру, когда отцов-матерей заменили Инкубатории и Интернаты – дикость! А стать близкими вынуждает специфика работы: потому что во время боя танкисты общаются через мыслепространство, телепатически! И должны полностью доверять друг другу. Только это и позволяет принимать верные решения практически мгновенно – в сотню раз быстрее обычного человека. Но вот что это такое, и чего стоит - быть «бешеной сучкой Войны» - знают только сами танкисты...

© Мансуров А. А., 2014

© Автор, 2014

Мансуров Андрей.

Волчица.

Роман.

«Там живут – и песня в том порука
Нерушимой, крепкою Семьёй
Три танкиста – три весёлых друга
Экипаж машины боевой».

Из песни «Три танкиста».

– А не хотят ли милые дамы поразвлечься чем-нибудь поинтересней, чем дешёвой выпивкой в этом третьесортном баре? Может, поедem ко мне, и я предложу вам каури с Чатрейна? – судя по выговору в нос, подвыпивший торговец прилетел с Силенсии. Фермерская планетка. Да и каури, насколько Ленайна помнила, вкусом и запахом напоминал низкопробный самогон, смешанным с абрикосовым соком.

– Вы очень любезны, сар, но девушки не нуждаются в вашем каури. – она смерила спокойным взглядом его заплывшую жирком убогую фигуру: узенькие покатые плечи, короткие пухлые ноги буквой «х», принявшие такую форму наверняка из-за того, что приходится таскать объёмистый живот. Мешки под глазами и цвет лица выдают любителя «горячительных» напитков, острых и жирных блюд, дряни вроде слима (характерный запахок примешивается к перегару, и аромату ментоловой жвачки – похоже, как раз, чтобы заглушить всё это безобразие, огненным штормом прущее изо рта) и прочих излишеств.

Словом, похоже, обладатель всего этого «богатства» отродясь физическим трудом не занимался, получив от отца, или ещё каким способом, налаженный бизнес, худо-бедно поддерживая явно крохотную фирмочку: перепродавая то, что кровью и потом добыли или вырастили другие. А про тренажёрные залы даже не слышал.

Не впечатляет. В сексуальном плане. Да и в любых других.

Поэтому она dokonчила:

– Так же, как и в вашем обществе.

– А зря! – глазки масляно прищурились: он подмигнул. Нарочито двусмысленно облизал губы, – Я знаю *очень* много способов... провести время весело! И, разумеется, у меня в номере найдётся не только каури! Неужели вас никогда не тянуло попробовать нечто такое, чего вы раньше никогда не пробовали? Нечто действительно... *Новое*?! То, что вознесёт ваш *дух* на недостигаемые для обычных людей вершины... *состояния*? Обещаю – получите незабываемые ощущения на всю оставшуюся жизнь!

Ну вот. Сейчас выяснится, что этот козёл ещё и умудрился провести на Кастор какую-нибудь запрещённую наркоту. Ленайна почувствовала, как нарастает раздражение.

Да что же это такое в конце-концов! Стоит прийти в любой, даже на отдалённой окраине космопорта, бар, без армейской формы, как шлюхи, все до одной, выметаются, словно увидели моровую язву во плоти, (Ну, этих-то можно понять. Потому что случались уже инциденты с портовыми красотками!) а к ним двоим сразу начинают подклеиваться разные пьяные заезжие идиоты. К тому же воняющие потом, виски, и травкой...

Она бросила короткий взгляд на Линду. Та, как всегда в таких случаях, опустила взор к столешнице перед собой. И кусает поджатые губы.

Напарница в ярости. Но пока молчит. Только сжимает под столом руки в остерённые крепкие кулачки.

Ну почему, почему все эти коммивояжёры – такие идиоты?!

Неужели они и правда думают, что раз красивые и следящие за своим внешним видом девушки сидят в баре – значит они – профессионалки? Из «доступных»?!

С другой стороны, обычно стоило их «сладкой парочке» появиться в любом из местных баров, так не только «доступных девушек», но и битых-перебитых ветеранов-завсегдатаев, что карманников, что аферистов, что обычных пьяниц-пенсионеров, или унылых отставников, предпочитавших хоть какое-то, но «общество» – одинокому питью в крохотной стандартной конуре, гордо именуемой Государством «индивидуальным жильём», тоже как ветром сдувало. Хотя их-то как раз они никогда... (Ну, или почти никогда!)

Вздыхнув поглубже, Ленайна сделала ещё одну попытку разойтись миром:

– Сар. Я вам уже сказала. И повторяю снова: ваше общество нам *не* интересно. *Пожалуйста*, возвращайтесь к себе за столик.

– А-а, так вы из *этих*?! Которые сам-на-сам? Фу-у, какая ограниченность!... А вот у нас уже давно разрешили групповые семьи. Да и – не семьи. Хотите, познакомлю с новыми приёмами? И способами? Скучно точно не будет!

Достал. Ладно, видит Бог, она сделала всё, что могла.

– Послушай ты, мачо недоделанный. Отвали по-хорошему. – теперь, когда она не сдерживалась, стальные ноты в голосе отрезвили бы любого. Здравомыслящего.

Но тут, похоже, граница разума давно потонула под приливной волной потреблённого алкоголя:

– Ах, вот мы, значит, как заговорили?! Скверные девочки, похоже, любят грубую силу?! Ну так мы это вам сейчас устроим! – его волосатая ручка с короткими пальцами-сосисками вскинулась к её роскошному «хвосту», и попыталась ухватиться за него.

Ленайна спокойно выждала, пока рука окажется в дюйме от её волос, оставляя незащищённым бок, затем коротким боковым правой въехала в рёбра, заплывшие толстым слоем многолетних жировых отложений. Чтобы костяшки проникли поглубже, пальцы сложила кистевым хватом.

Торговец отлетел шага на три, но умудрился не упасть, удержавшись на ногах. Пару секунд очухивался – явно перехватило дыхание. Лицо перекосилось от боли. Вдохнув наконец, «недоделанный мачо» взревел, словно раненный слон:

– Ах вот так, да?! Ну ладно, с-сучки вонючие, лесбийки поганые! Сами напросились! Сейчас я вам покажу, как унижать настоящего мужика!

«Настоящий мужик» попробовал использовать приёмы боевого самбо. Интересно, конечно, где он их нахватался, но без практики это, скорее, напоминало балет...

С тем же успехом он мог бы и крестиком вышивать.

Когда массивное тело вылетело через качающиеся двери бара, бармен Том покачал головой. Рассечённая широким шрамом и поэтому чуть приподнятая левая бровь придавала его лицу хроническое иронично-дружелюбное выражение. Но не поздоровилось бы тому, кто принял бы это за подлинное дружелюбие... Ленайна однажды видала, как Том сам, без их, или полиции, помощи, «разобрался» с бандой подростков, сдуру пытавшихся ограбить принадлежащее ему заведение:

– Ленайна. Пожалуйста, прошу тебя. Когда он вернётся, не кидай его больше об зеркало: это моё последнее. А следующая партия прибудет с Земли только через месяц!

– Хорошо, Том. Давай, звони в скорую и полицию: вон он идёт.

Даже с вынутым из ножен на предплечьи тесаком, скорее, напоминающем мачете, в руке, торговец вовсе не казался грозным. Скорее, растерянным, и пытающимся сохранить хотя бы минимум самоуважения:

– Ладно. Значит, с-сучка поганая, ты любишь только свою любовницу?! Ну так я сейчас ей рожу-то подправлю! Чик-чик! – он показал, скалясь, словно бешенная собака, как располосует крест-накрест лицо всё ещё смотревшей в скатерть Линды.

Линда отреагировала. Как всегда, быстрее, чем Ленайна смогла хоть что-то заметить или сделать. На то, чтобы достать из чехла за спиной и бросить резы ушло не больше десятой доли секунды.

Торговец застыл на месте, удивлённо пялясь на руку с мачете. Затем перевёл взгляд на двери бара, где, чмокнув, засели вольфрамовые наконечники. Рот растянулся в оскале:

– А вот и промахнулась, тощая сучка!

Ленайна, подойдя к барной стойке, протянула руку. Том отработанным движением послал по пластику кювету со льдом прямо ей в ладонь. Опустив кювету на пол, Ленайна острым носком сапога толкнула её по отсвечивающему бликами потолочных светильников линолеуму в нужное место.

Ровно через полсекунды кисть, так и не выпустившая мачете, смачно грохнулась в кювету, рассыпав часть кубиков по полу. Торговец наконец заорал. Затем грохнулся на колени, схватившись за руку, и пялясь то на культю, то на отрубленную кисть во льду. Челюсть отвалилась, глаза закатились. Завалившись на бок, он шмякнулся на пол, на своё счастье, потеряв сознание.

Похоже, от страха.

Потому что боли от действия молекулярной нити не возникает.

Однако его быстро утихший крик успели перекрыть вой сирены и рёв двигателей: перед баром приземлился полицейский катер. Сквозь почти тут же стихшую сирену прорвались завывания клаксона скорой помощи: медицинская посуда почти не отстала.

Теперь снаружи моргал сине-белый свет мигалок, превращая и без того тёмное помещение бара словно в пещеру дикарей из фильма про первобытные времена – освещаемую неверными сполохами огня. Правда, голубого... Ленайна отвернулась от панорамных окон, подойдя снова к Линде. Та даже не подняла взгляда. Правда, губы уже не кусала.

– Почему он так сильно разозлил тебя? – Ленайна дунула вверх, а когда не помогло, рукой откинула со лба прилипшие волосы чёлки.

– Не сильно. Обычно.

– Да ладно. Уж я-то видела. Ты начала грызть губы ещё до того, как он заговорил.

– Он *думал*. В его мыслях мне... Предстояла роль рабыни. Распятой для наказания. А тебе – ослицы. Задница твоя его, понимаешь ли, впечатлила.

Ответить Ленайна не успела, потому что к их столику подошёл, коротко козырнув, лейтенант Вачовски. Он знал их давно. Поэтому сразу перешёл на неофициальный тон. Ленайна не могла не поразиться почти умоляющим ноткам в его голосе:

– Лейтенант Вачовски, полиция Тагора. Ленайна, Линда! Ну я же просил вас!.. Что будут думать про Кастор на чёртовых фермерских мирах после *такого*?

– Что местных шлюшек лучше не трогать.

– А что – нельзя было *просто* избить его?!

– Пробовала. Не помогло.

Лейтенант сердито сплюнул, повернулся к Тому:

– Что? Всё – как всегда?

– Да, господин лейтенант. Натуральное дежавю. Ну вот ни разу ещё не было, чтоб на эту парочку в гражданском прикиде не нашлось идиота, желающего «поразвлечься». Уж больно сексапильны, не в укор им будь сказано. Записи – как всегда в ящике.

Лейтенант подошёл к Чёрному Ящику бара, подключил полицейский рекордер. Перекинул записи с видеокамер и микрофонов. Последние несколько минут просмотрел и прослушал в нормальном режиме. Покачал головой. К этому времени санитары из скорой помощи оста-

новили кровь, погрузили на носилки и унесли тело так и не пришедшего в себя торговца, и кювету с его клешней. К девушкам подсел док Престон:

– Привет, Ленайна, привет, Линда. – окинув восторженным взором открытый кардиган и миниюбку Линды, и пышный хвост смоляных волос Ленайны, не мог не пощипать зубом, и не прокомментировать, – Сегодня, как всегда, ослепительны! Как говорит Том, сексапильнейшие вы зар-разы!..

– Привет док. – она чуть раздвинула губы в печальной улыбке, показав, что ценит его юмор. Линда так и не подняла головы от скатерти. Что же такого интересного она там нашла?!

– Спасибо. В-смысле, спасибо, что пришивать только руку. Лейтенант, – кивок в сторону всё ещё хмурящегося у стойки бара офицера, – подтвердит?

– Думаю, да. Там, в записи, всё есть. Он «домогался». И напал первым.

– Понятненько... Значит, стоимость лечения просто добавится к гостиничному счёту. Ладно, девочки, я побежал. У нас ещё в доках какая-то драка. Но там, правда, предпочитают старые добрые методы моряков: избивают друг друга мебелью и кулаками.

– Ага, намёк поняли... Кстати, рука может плохо приживаться: похоже, ваш «клиент» – любитель слима.

– Вот как. Спасибо, что предупредила. Введу ему антидот. Ну, чао, девочки.

– Счастливо, док.

Док вышел.

Лейтенант подошёл. Снова отковырял:

– Капитан Мейстнер. Старший лейтенант Мейстнер. Приношу вам благодарность от лица департамента полиции города Тагор за... Своевременное предотвращение инцидента, который мог бы перерасти... – пока рот выговаривал официальные слова, глаза офицера смотрели с укором: Ленайна понимала, что их парочка и правда, не слишком способствует повышению привлекательности планеты Кастор, и города Тагор в частности, для туристов и коммерсантов, – Так же приношу свои извинения, уже от лица Администрации, за то, что столь... Невоздержанному субъекту была выдана въездная виза.

– Извинения приняты, лейтенант. Спокойного дежурства.

Лейтенант криво усмехнулся:

– Док Престон же вам сказал. Остальные пять наших машин уже в доках. Там чёртовы Рогульцы почему-то решили, что ребята с Миранды косо на них поглядывают! Так что покой нам, как говорится, только снится... – устало козырнув, он вышел. Снова завывла сирена, и рёв движков на форсаже опять наполнил помещение бара дрожью и гулким эхом. Вибрировало даже столь горячо защищаемое Томом зеркало за стойкой, превращая свет тусклых светильников на стенах словно в панораму ночного подводного города.

– Том! Принеси-ка нам по последней! – печально оглядев красочно вспыхивающие музыкальными шоу и футболом, экраны, огромные стереофото экзотически-мирных пейзажей колонизированных планет, одинокие ряды столиков, и остальную, оставшуюся сегодня целой, мебель, Ленайна решила завязывать с «культурной программой» вечера. Им пора и отдохнуть. Завтра вылет.

Том, судорожно протиравший стаканы за стойкой, (что делал, похоже, автоматически каждый раз после очередного «досадного инцидента») быстро принёс ещё два бокала с апельсиновым соком, забрав наполовину пустые. Он даже приглушил и без того тихо игравшую музыку – в визио теперь уж точно смотреть будет некому...

Впрочем, сотенная купюра, сунутая, как всегда, так, чтобы не быть замеченной камерами наблюдения, под убранные стаканы, сгладит его печаль по потерянным клиентам: «чистыми» ему столько не собрать и за три вечера... Растянув губы в дежурной улыбке, Том отошёл, вернувшись к протиранию.

– Ну что, напарница? За Вечность?

Линда, наконец оторвала взор от столешницы. Раздумчивым движением взяла бокал. Приблизив, звенькнула им по бокалу Ленайны. В её глубоких чёрных глазах вовсе не наблюдалось оптимизма. Или удовольствия от прогулки в Город:

– За Вечность!

– Внимание! Всем экипажам! Десятиминутная готовность! Повторяю... – приятный, но как обычно стандартно-нейтральный, женский голос из трансляции Ленайна не слушала: знала до слова, что сейчас произнесёт диспетчер.

А противоперегрузочный гель, в котором они с Линдой плавали, словно рыбы в аквариуме, Ленайну всегда нервировал. Нет, не то, чтобы он охлаждал, или перегревал её тело – сквозь сверхтонкий скафандр температуры никак не чувствовалось... Но вот движения гель всё равно как-то замедлял. Сама себе она напоминала в такие моменты ломтик ананаса в желе: и видно тебя отлично, и напряжённо ждёшь, когда сожрут...

Нет, *так* лучше не думать – негативное мышление! Она не имеет никакого права даже на кончик ногтя сомневаться в своих силах! И пусть они противостоят не людям, но они ничуть – Да-да: ничуть! – не слабее. И не глупее!

Но она и её экипаж – *лучше!!!*

Возникшее над ней приветливое бородастое лицо весело рассмеялась:

– Что, опять самоедством занимаемся? – проворные пальцы быстро и тщательно проверяли все контакты, и прочность подключения основного и резервных кабелей к визиошлему. Впрочем, что бы Миша не делал, улыбался он всегда.

– Иди в ...опу, Миша, достал со своим приколом!

– Ага, «приколом»!.. А то у меня нет под носом твоей энцефалограммы, томограммы активности полушарий, и всей прочей фигни? Самое время переключиться, и подумать что-нибудь бодро-оптимистичное!

Ну, например, как вы с Линдой вскрываете Станцию, словно яйцо всмятку, и разносите на куски их чёртов Командный Центр! И нам дают звание Спасителей Отечества... Отпуск на пару недель... И сувенирные поющие открытки к Рождеству!

Ленайна не могла не фыркнуть. Вот уж чей юмор можно предсказать всегда – так это Мишин. С другой стороны – и хорошо, что он к «своим девочкам» всегда доброжелателен. И предсказуем. Что на него можно положиться. Что у них – Семья.

Без ЭТОГО, без теплоты и доверия, без подлинно семейного чувства – единения, взаимопроникновения, взаимодополнения, не было бы и их Экипажа.

Чего бы там Миша не шутил – одного из самых эффективных во Флоте.

– Ладно, командир, всё готово. Разрешите занять боевой пост?

– Валяй.

– Я полез! – неформальный стиль общения давно вошёл в традицию. Буквально все слова повторялись, как заученный урок. Потому что нет более суеверных людей, чем танкисты.

Разве что спортсмены.

Миша защёлкнул перчатки и шлем, и взобрался по ажурной лесенке в саркофаг. Разъёмы своего шлема он подключил сам. Улёгся в гель ячейки справа от Ленайны. Слева недвижно распласталась Линда – в геле она всегда принимает вид морской звезды: раскинутые широко руки и ноги, голова, чуть откинута назад...

– Закрываю! – Миша щёлкнул клавишей под ладонью. Бронешиты с тихим жужжанием закрылись, отрезав Саркофаг от рубки с её полированными бронелистами палубы, стен и подволка*, отражающими ослепительный свет софитов, а переборка-дверь отрезала командный отсек от остального пространства «Волчицы». Теперь пробиться к ним можно только с помощью взрывчатки... (Не дай Бог!) А к бронеангарам торпед – вообще невозможно. Да и слава Богу. Потому что и так ощущаешь себя летающей на пороховой бочке.

*Подволок – потолок на корабле.

Голос диспетчера снова возник в наушнике:

– Внимание! Всем экипажам! Пятиминутная готовность! Прошу закрыть бронешиты. Внимание!.. – она знала, что сейчас из-под брюха её, и остальных кораблей, выбирается огромная армия техников, заправщиков, мотористов, электронщиков и прочего обслуживающего персонала, а сами платформы с кораблями из огромного центрального трюма Линкора вдвигаются в ячейки у бронированных бортов. Откуда потом стартуют с максимальным ускорением, вытолкнутые мощными катапультами...

Ленайна облизала губы, и воспользовалась речью. Как обычно, в последний раз в этом вылете (Если, конечно – тьфу-тьфу! – ничего не...):

– Мать! Мы готовы. Подключай.

Мягкий женский голос главного компьютера их корабля прозвучал из наушников:

– Вас поняла, командир. Подключаю.

Ленайна ощутила чуть заметную щекотку: в кожу головы полезли тысячи электродов...

Порядок.

Еле слышный, с привычным замиранием сердца ожидаемый, щелчок.

Смутные голоса, шорохи и мыслелефон вдруг исчезли совсем.

Но вдруг что-то словно взорвалось перед глазами огненным фейерверком новогодних петард, и гул навалился снова – с удесятёрённой мощностью и силой: заработал в нормальном режиме визиошлем.

Затем, почти сразу, всё стихло: Мать отфильтровала посторонние шумы и разумы.

Боже, до чего кристально ясно стало ощутимо виртуальное пространство вокруг неё!..

Уже непосредственно в сознании Ленайны, слева возник образ абсолютно нагой Богини с бесподобно стройными формами. В руках – старинные многозарядные пистолеты: так себе себя представляет Линда. С другой стороны от Ленайны словно из-под земли вырос коренастый гном в красном колпачке и с огромным универсальным газовым ключом за поясом – Миша. Как всегда, не оригинален.

Себя же Ленайна всегда представляла хищницей. Злобной, и неудержимой в гневе, волчицей. Готовой рвать врага хоть голыми руками и зубами, когда закончатся боеприпасы... Именно за эту постоянную готовность стремительно, без колебаний, но в то же время не забывая о защите, кидаться в бой, интуитивно, словно неким сверх-видением, находя лазейки, пропущенные обороной врага, похоже, её и назначили главной в их экипаже.

А вовсе не потому, что она всегда сверху...

Миша как обычно вытащил из-под прозрачной поверхности виртуального пола операторские перчатки – Мать создавала их образ и функции по его памяти. Менять что-либо даже в сторону «продвинутости» техник запретил. И правильно: каждый хочет действовать максимально эффективно. Тем оружием и инструментами, к которым привык.

– Внимание, экипажи! Минутная готовность!

– «Порвём гадов?!» – мысленный голос Линды обрушился на мозг словно Ниагара. Ленайна поморщилась: слишком громко. Будет мешать сосредоточиться:

– «Мать! Почему Линда говорит так громко?»

– «Она перестаралась с обратной связью. Я сейчас исправлю».

Мысль Ленайны дотронулась до мозга напарницы:

– «Линда. Как слышишь?»

– «Отлично. Извини, что так заорала. Нервничаю».

– «Знаю». – ещё бы не знать, когда оба мозга напарников перед ней (Вернее – ВНУТРИ неё!) – как на ладони. Со всеми кипящими, как всегда перед боем, страстями, желаниями, нетерпением, тщательно взлелеянными комплексами доминирования, желанием во что бы то

ни стало доказать всем, что они – «самые-самые!», подавленными страхами... И всем остальным букетом!

Тут и азарт, и предвкушение, и дикий подсознательный ужас перед необратимостью возможной смерти, который самоконтроль сознания преобразует в острейшее желание скорее кинуться ему навстречу – чтобы победить его, победить себя...

Ну, и врага заодно.

С другой стороны – и её подсознание как на ладони.

И они трое – и она, и Линда, и Миша – давно сработались до такой степени, что «гармонично живут» в псевдопространстве телепатического поля, словно у себя дома!

Собственно, в этом и состоит смысл тройных – вернее, с Матерью – четверных! – экипажей.

Мать – хребет, позвоночник. Чинит, никого не спрашивая, с помощью армии вездесущих клопов-дроидов и крабов-дронов, все повреждения, полученные в бою.

Миша – Мышцы. На нём все ходовые механизмы, и срочный ремонт того, что он, иногда вопреки решениям Матери, считает приоритетным для боеспособности корабля.

Линда – руки. С оружием. Никто другой не может столь искусно отбиваться от противоракет, магнитных, акустических, мин-бакенов, и прочих сюрпризов, в изобилии приготовленных врагом, и находить мельчайшие бреши в защите: беспилотных перехватчиков, и кораблей Сверков, несущих на борту экипаж.

Ну а сама Ленайна – мозг и воля маленького Мирка под названием «танк Волчица».

Именно на её совести стратегические Цели: Нахождение Матки. Обеспечение «нанесения максимального ущерба» – а говоря попросту, уничтожения этой самой Базы-матки с помощью Последнего Аргумента их кораблика: двух ядерных торпед. Ради которых, собственно, и построен танк-торпедоносец.

С тем, чтобы когда Оплот обороны будет разрушен, Флот мог «добить» планету...

Над полупрозрачной плоскостью, на которой они втроём стояли, прозвучала мощным аккордом басовитая, но быстро меняющая тон к комариному зудению, нота: двигатели линкора начали разгон. И пусть при этом сам огромный мастодонт, латаный-перелатанный ветеран десятков схваток, никуда не двигается, ревербераторы неторопливо, но уверенно накапливают мощность для Прыжка...

И – вот оно!

Словно землетрясение, да ещё с тропическим ураганом, и снежной лавиной!..

Ох и потряхнуло сегодня! Похоже, они отправляются даже дальше обычного!

Необъятное Пространство вокруг стало Красным. Затем жёлтым. Зелёным, синим, и сразу – фиолетовым... О-о!..

Вошли!

Подпространство, как всегда, предсказуемо: навалилось со всех сторон, словно придавив к полу, и заполнив мозг и уши мерзким визгом – словно истошно, как стая взбесившихся бабуинов, орут сами звёзды, мимо которых сейчас проносится по ноль-коридору их матка-носитель!

Впрочем – может так и есть? И звёзды – поют? Кто слышал музыку Сфер?!..

Всё, хватит отвлечённых ассоциаций. Впереди работа. К бою!

Она сосредоточилась, закусив губы до крови.

Скачок закончился как обычно: вокруг всё позеленело, пожелтело, побелело, и на голову словно упала тонна снега! Сразу растаявшего. Но успевшего отрезвить тех, кто отвлёкся на сверхнеобычные ощущения при полёте сквозь Ничто.

Ускоренный в сотню раз мыслеполюс голос диспетчера линкора звучал теперь прямо в мозгу:

– Внимание! Вылет танков и истребителей! Объект – Защитная орбитальная Станция. Окончание операции через семь минут. – толкатель придавал им такое ускорение, что Ленайна поморщилась: вынужденно крохотные (Лишняя масса!) гравикомпенсаторы снимают лишь половину любимых «жэ»! А всего их посудина рассчитана на тридцать, и кроме движков, оружия, и модуля с их саркофагом, на борту ничего нет: иначе танк вышел бы слишком тяжёлым, и не маневренным! А такие посудины – отличная мишень!..

А вот приписанные к их кораблю истребители и вовсе не несут *живого* Экипажа – поэтому могут разгоняться и при ста «жэ»! А уж маневрировать!.. Потому что в каждом – впечатанная в кристаллическую память бортового компа мнемоматрица обычного ротвейлера. И его задача – просто *уничтожить* всё, что угрожает жизни любимых Хозяев!

Плоскость, на которой они стояли, вдруг преобразилась в Пространство!

Перед ними уже конкретный район космоса: похоже, они опять у одной из обитаемых планет-баз Сверков. Судя по длительности Прыжка – отдалённое захолустье.

И хотя махина линкора за их спиной уже исчезла, отпрыгнув назад, в подпространство, флуктуации поля врагом уже, конечно, отслежены! Система оповещения у Сверков всегда на уровне!

Сейчас к ним ринется весь местный Флот!

ВОТ ОНИ ГДЕ!!! Её внутреннее чутьё, этот волшебнo-необъяснимый нюх, показал: где в мыслеполе – буквально оглушающий рёв от тысяч чужих, чуждых, Разумов!

Значит, замаскированная фальш-полями, и оптическими и магнитными преобразователями Матка-база, и, разумеется, все, кто на ней – ТАМ!

Кто сказал, что у мысли нет ЗАПАХА?!..

Ленайна, ещё не успев толком прийти в себя и освоиться с обычным трёхмерным пространством хоть как-то, мысленно заорала:

– «Ма-а-ать! Гоним на полной *вон туда*! Быстрее!!! Наши десять истребителей – с нами!» – после Прыжка она всегда знала, что тут лучше не «оценивать обстановку», а довериться чутью, нюху! Инстинкту. На то она и командир!

Миша и Мать послали всю энергию – пока на дюзы движков, и тридцать «жэ» вдавили их даже через гель весьма ощутимо. Впрочем, у Ленайны по-другому и не бывало: она всё старалась делать максимально быстро, понимая, что компьютер, конечно, реагирует на все события куда быстрее, но не может чутать спрятавшегося за антирадарные, антimentsальные, и анти-визуальные экраны врага, и принимать *инстинктивно* верных решений в каждой конкретной схватке!

И уж тем более, компьютер никогда не решится на «нерациональные» действия... Позже оказывающиеся обычно единственно верными.

Ну а если неверными...

Что ж. Чему быть, того не миновать. И их тела, если от них что-то останется, торжественно, под Гимн Содружества, похоронят на ближайшем солнце.

Никто не будет жить вечно! Так что если уж жить – так жить *по-полной*!..

Впереди возникло минное поле: натканные в пространстве шипастые бочонки, связанные между собой гравитросами. Не дожидаясь команды, (Ещё бы! У каждого – свой участок работы, совсем, как у членов экипажей стратегических бомбардировщиков в двадцатом веке, всегда считавшихся Элитой ВВС!) Линда, издавая дикие вопли – Не то – восторга, не то – азарта! – открыла огонь со всех противометеоритных пушек. У Ленайны в мозгу образ Богини преобразился в гарпию: та словно сыпала во все стороны стальные, смертельно разящие острые перья своих крыльев!

В пробитую ими дыру тут же устремились те, кто пока оставались сзади, и теперь настигали, приказав своим бортовым компам догонять «Волчицу»: танки Пауэрсов, Селяметовых и Могенара. Она видела, что это именно они – по остаточному мыслефону. Пауэрсы как все-

гда ругались матом (Все! Они в этом плане – неоригинальны!). Селяметовы сердились: кто-то вычислил главный объект и точку пространства для атаки раньше их! Могенара ржали как кони: для них каждый боевой вылет представлялся очередной «славной охотой».

Остальные шесть экипажей решили «прикрыть их тылы»: связать атакой вспомогательные корабли, могущие броситься на выручку своим, и напасть на космические базы на дальних орбитах – она чуяла их удаляющиеся мысли.

Теперь с ними оказалось только сорок истребителей. И понадобились они, ох, скоро: автоматические противоракеты шли буквально сплошной стеной! Но куда им, безмозглым железякам с одним процессором, настроенным лишь на поражение металлических целей, против самообучающихся, и всё время меняющих курс, малышей-«собачек»!

Линда снова заорала, теперь уже от боли: луч стационарного лазера со Станции разворотил одну из башенок с пушками: это, как по себе знала Ленайна, всё равно, что потерять собственную руку! Только что нет длительного болевого шока – просто мгновенная резь, словно от кипятка!

Миша помалкивал, и всю перебирал своими перчатками: в броне корпуса уже прожгли массу дыр, но главное – повредили некоторые подводные горячие трубопроводы, и сами ходовые капсулы с дюзами, окружавшие «Волчицу» – словно картофель-фри – рождественскую индейку. С Матерью он общался по «техническому» мыслеканалу – чтоб не мешать танкистам.

Но на дыры в обшивке наплевать: всё равно лёгкий корпус из армированного сивлита с самого начала и проектировался негерметичным, чтобы не возникало декомпрессии при первом же попадании. И его основная цель – не дать сразу ни излучением, ни торпедой, ни ЭМИ, добраться до Сердца корабля: капсулы боевой рубки!

Этому они научились у Сверков.

В-принципе, и в рубке бронированным и герметичным должен был быть только их Саркофаг. Да и то: допускалась и его разгерметизация – поэтому они и в скафандрах!

Миша, включившийся в общую сеть, выругался:

– «... вашу мать!!! Уже треть ходовых потеряна! Делайте же хоть что-то: чего мы всё прём – прямо в лоб!..»

Ленайна отдала мыслеприказ Матери. Теперь «Волчица» двигалась как бы по спирали, всё время меняя темп и ритм виражей – сначала полувиток по часовой, и почти тут же – два-три витка в противоположную сторону!

Наконец «Матка» Оборонного Комплекса планеты оказалась как на ладони: бесформенно-массивная тёмная громада Станции, из боковых люков которой сейчас буквально тучами вылетали перехватчики и управляемые ракеты, замаячила в псевдопространстве шлема не более чем в пяти тысячах миль.

– «Ускоритель!!!» – Ленайна уже не контролировала громкости мысли, даже не осознавая, что оглушает напарников!

Мать и Миша включили чёртов ускоритель, намертво вмонтированный в корме, и просто отстреливаемый по выработке ресурса – чтоб опять-таки не утяжелять!..

Пока их сплющивало дополнительными двадцатью «жэ», Ленайна успела подумать только о том, что как бы не увлечься чересчур в один из таких моментов: летящий хоть и быстро, но прямо, танк – отличная мишень! Хорошо хоть, параллельно с ускорителем от его генераторов включается и его одноразовое противополо, отражающее любые излучения, и отклоняющее материальные предметы вроде ракет!

Единственное неудобство – через девять секунд индукционные катушки сгорают!

«Волчицу» три раза сильно потряхнуло. Попадают, гады!

Она промыслила:

– «Уходим вверх, влево, вниз, и снова – прямо!»

Получилось это не слишком хорошо – у Миши явно отстрелили ещё часть капсул-дюз. Но главного они, похоже, добились: все летевшие за ними танки и истребители теперь выпускали ракеты и торпеды, пытаясь пробить противополе Станции!

Рано! Противоракеты Сверков ещё сбивали их!

Огненные всполохи разрывов иногда скрывали громаду Матки из поля зрения, но Ленайна уже знала: подлететь придётся снизу!

– «Мать! Заходим прямо под дно, вон там, между трёх орудийных башен!»

Они маневрировали, и буквально неслись теперь снизу – прямо в днище корпуса Станции! Линда заорала, Миша присоединился: оба, похоже, посчитали, что она спятила!

Она мысленным приказом включила генератор ЭМИ, который должен был с такого расстояния уж точно «вырубить» защиту днища Матки, и сразу выпустила обе торпеды в какой-то открытый – похоже, не успели задвинуть после вылета большого корабля типа миноносца! – люк!

Хорошо, что не забыла скомандовать перед отделением «основных» боеприпасов от консолей, пятисекундную задержку взрыва!

– «Мать! Все движки – на уход от столкновения, и потом – летим как можно дальше!» – и, в общий канал, – «Внимание всем!!! Валите от неё быстрее!!!»

Теперь возникло такое ощущение, что они несутся вниз головой, и головы эти вдавливают в кленовый сироп!.. Правда, полностью избежать столкновения не удалось: их танк чиркнул по одной из трёх орудийных башен, буквально срезав её с броневое корпуса вражеской Матки, и снеся уже с их борта ещё с десяток столь любимых Мишей дюз!

Выяснив, что их не расплющило в лепёшку, и ход сохраняется, Ленайна «заорала»:

– «Подставить корму!»

В масштабах мыслепространства, где всё ускорено в сто раз, пять секунд, это – буквально часы!..

Она чувала, как быстро разворачиваются и «отваливают», словно круги от брошенного в воду камня, сознания остальных танкистов и собачек-истребителей, прочь от обречённого судна. Как пеняют друг другу так и не выпустившие торпед Селяметовы. И матерятся Пауэрсы. А вот Могенара молодцы: свои выпустить успели!

Поэтому и взрыв оказался чудовищным!

Самим им «удачно» отвалить не удалось.

Субъядерный взрыв, как всегда, вырубил своим ЭМИ всю электронику на борту. Мать восстановила всё за долю секунды – пространство вокруг просто мигнуло. Затем последовали ощущения и поконкретней. Здоровенный кусок брони буквально смял всю кормовую часть «Волчицы», придав той ещё и дополнительное ускорение – такое, что будь толчок направлен к поверхности планеты, тут бы одним танком у Флота Содружества и стало меньше! А так – просто покувыркались.

Миша ехидно сообщил, что «Осталось две – да, чёрт возьми, вы правильно услышали – две! – рабочих дюзы!»

Ленайна забеспокоилась: без хода они превращаются в простую, беспомощную, и нагло висящую посреди пространства, мишень! Все кто остался в живых у врага, будут стремиться *отомстить*! Линда уже опять ругалась: палила с одной руки, только и успевая вертеть турелью! Нападавшие перехватчики и дроны-истребители, как знала Ленайна, представляли перед напарницей в образах мерзких крыс и волосатых пауков. Что, впрочем, не мешало (А может – как раз помогало!) Линде отлично попадать.

Судя по мысленным возгласам из танков, которые всё-таки оказались в относительной безопасности, наблюдая и фиксируя взрыв на автоматические видеокамеры, разрушение Станции показалось эффектным: «Охи» и «Вау» заполнили мыслеполе со всех сторон.

Обнаружив, что прокусила, как обычно в критические минуты, до крови обе губы, Ленайна снова разлепила мысленный «рот»:

– «Едрена вошь!.. Может, спасёте, наконец, от перехватчиков наши задницы, и то, что осталось от «Волчицы»?! Иначе придётся везти домой только наши трупики!»

– «Не парься, Ленайна. Ваши тощие задницы – в надёжных руках!..»

А молодцы Селяметовы. Они со своими собачками, оказывается, уже успели подлететь, и сейчас быстро разметали по задворкам космоса несколько особо настырных эсминцев и перехватчиков Сверков!

Ленайна выдохнула:

– «Спасибо. Кто-нибудь, кто в состоянии... Возьмите нас на буксир. Мы – в отключке».

Пока Селяметовы и Пауэрсы отстреливались от оставшихся перехватчиков, и сбивали касетные ракеты с планеты, Могенара взяли её на буксир: наשלёпки магнитных захватов тросов с трудом нашли ровную поверхность на остатках «Волчицы».

Остальные пять минут из отпущенных им семи, прошли почти мирно: все танки и сохранившиеся истребители вернулись поближе к условленной точке «выхода» линкора. Не слишком, впрочем, близко: флуктуации гиперполя могли бы и убить тех, кто приблизился бы меньше, чем на сотню тысяч миль...

Как проходила загрузка обратно в тамбуры и перевозка в главный док, Ленайна не помнила – потеряла сознание.

– Неплохо для полутора минут! Насколько я помню, это – самое скоротечное сражение за всю историю Войны! – Главнокомандующий сдержанно улыбался, – Если бы мы все вылазки проводили в таком темпе, у врага не осталось бы ни единого шанса! От лица Командования объединённых сил Содружества объявляю вашему экипажу благодарность. Даю двухнедельный отпуск. И – новое судно.

– Служим Содружеству! – руки троицы чётко-синхронно вскинулись к козырьку фуражек. Однако дальше Ленайна поразила адмирала:

– Господин Главнокомандующий! Разрешите просьбу!

– Хм-м... – в глазах появилось сомнение, но на тоне адмирала это никак не отразилось, – Слушаю вас, капитан.

– Простите... А можно попросить восстановить наш старый корабль – «Волчицу»?

Паузы для ответа почти не почувствовалось. Молодец адмирал! Профессионал.

– Ага, понимаю. Легенды и традиции... Хм-хм. Ну что ж. Не вижу в вашей просьбе ничего невыполнимого. Единственное, что, может быть, на восстановление разрушений уйдёт несколько больше двух недель... Но – хорошо. Согласен. Я распоряжусь!

– Благодарим, господин адмирал! – во вздохах за спиной, справа и слева, Ленайна услышала явственное облегчение: ещё бы!

Они ведь, и правда, сроднились со своим танком за те три года, что летали на нём!

Сколько раз надёжно сваренная и отлично продуманная конструкция спасала им жизни! И ничуть не стыдно, что за образец был взят трофейный корабль Сверков...

Да и вообще: чтобы победить в этой жуткой мясорубке, пришлось многое перенять у более «продвинутых» и в техническом, и в стратегическом плане врагов. Особенно, когда выяснилось, что Сверки работают тройками, переговариваясь мысленно. Разумеется – так куда эффективней, чем словами! А люди-то недоумевали: почему враги быстрее, умнее, и всегда разят в самые уязвимые места!

Ну, теперь хоть это преимущество ликвидировано.

Конечно, концепция «коллективного» Разума вначале воспринималась дико!

Ещё бы: двадцать девятый век! Все – законченные эгоисты и индивидуалисты, живут только для себя! Никаких «родственных» связей, как это было в эпоху варварской древности!

(Поскольку «рождением», выращиванием, и последующим воспитанием озабочены Государственные Инкубатории. И Интернаты. А институт так называемого Брака упразднён за полной ненужностью...)

Так что «подстраивать» свои мозги под работу с чужим, и, несомненно, абсолютно *другим* напарником никто не хотел... Да даже если и хотел – зачастую просто НЕ МОГ!

Пришлось аналитикам Флота попотеть!..

Пока не нашёлся выход: братья-близнецы.

Тройни.

Давно живущие содружества, традиционно всё ещё называемые «муж и жена».

Да, такие, хоть угар чувств и прошёл, но предпочитают продолжать жить вместе. И мыслят почти в унисон, поскольку знают спутника жизни как облупленного.

Или – любовь. Вот как в их с Линдой случае...

Когда погружаешься в партнёра всем существом, растворяешься в нём, дышишь его грудью, разгоняешь кровь по телам – словно одним, общим, большим Сердцем!..

Разумеется, и партнёра «в себя» «впускаешь»!

Миша же на этапе предварительного отбора понравился им обоим – так что «срабатывая» с ним проблемы не представило. Ворчливый, любящий иногда выпить лишнего, но чертовски хороший в своей области, профессионал. Ремонтник, так сказать, «от Бога».

Причём – вполне ещё «в силах». И – главное! – тактичный.

– Разрешите идти, господин Главнокомандующий?

– Да, можете идти. С этой минуты начинается ваш отпуск. О его окончании вам сообщит мой адъютант. – бровь адмирала чуть приподнялась, – Подлатаем мы вашу «Волчицу»!

– Служим Содружеству! – они синхронно взяли под козырёк, развернулись, и строевым шагом добрались до двустворчатых дверей – а до них в огромном, выдержанном под старину кабинете, отделанном до середины настоящими дубовыми панелями, было не меньше двадцати шагов!

Ленайна открыла дверь, они вышли. Секретарь-адъютант, придерживающий наушник пальцем, встал из-за стола:

– Капитан Мейстнер! Старший лейтенант Мейстнер! Капрал Павлов! Мои поздравления! – они вежливо пожали протянутую руку, – Адмирал распорядился вызвать вас из отпуска только по готовности вашего танка. Я полагаю, недели три у вас есть. А пока – зайдите в кассу, получите премиальные за... Эффективные действия!

В кассе уже стояли Селяметовы – три усатых татарина. Все – как на подбор сухопарые, чуть кривоногие, светло-русые, с рыжевато-белёсыми куцыми бородками и усиками. Все – чертовски маленького роста. Развернувшись вместе, они вместе и протянули руки:

– О-о! Привет, Ленайна! Привет Линда! Привет, Миша! – заговорили они тоже синхронно, словно репетировали. И поскольку каждый оказался напротив кого-то одного, с ним он и здоровался, затем перекрещивая руки для приветствия остальных.

– Ну, как прошло «Поздравление» от Высокого начальства? – это спросил уже стоявший в центре Селяметов-старший, если можно так назвать человека, на полторы минуты опередившего второго, и на четыре – младшего брата, при «раскупорке» родильной капсулы. Однако в их компании он неизменно брал на себя роль лидера. Всё правильно – поэтому он и Командир.

– Спасибо, Эльдар, нормально. Начальство даже пошло нам навстречу: «Волчицу» восстанавливают!

– Ух ты!... Вот уж не ждали! – это присвистнули и причмокнули Рашид и Ринат. Ринат даже похлопал выпученными глазами: – Неужели можно восстановить этот сплюснутый кусок металлолома?!

И, увидев чуть полезшую вверх изящную бровь Ленайны, поторопился поправиться:

– Шучу, капитан Мейстнер, не обижайтесь! А что с отпуском?

Ленайна и не думала обижаться. Знала, что с чувством юмора у татар ещё печальней, чем у Миши:

– Эндрюс сказал, что три недели он нам гарантирует.

– Надо же! – это снова вклинился Эльдар, – если майор сказал – это уж точно. С другой стороны, меньше и не уйдёт. Никак. Вам повезло, как... как... Словом – первый раз вижу, чтобы при таких повреждениях на борту хоть кто-то выжил! Три четверти кормы и корпуса – смяло, словно в гармошку!

– Да, мы посмотрели... Уже потом, в доке. Счастье ещё, что саркофаг выдержал: на него пришлось тонн восемьсот нагрузки! И ещё – слава Богу, что гравикомпенсаторы спрятаны прямо под ним!

– Ну вы молодцы! Да и вообще: отлично получилось с этой планетой. Наши уже называют её Ньюгемпшир. После того, как вы так быстро ликвидировали основную Станцию, Флот запустил обычную процедуру: Фрегаты, Авианосцы, один краулер-раптор...

Ленайна сглотнула, постаравшись не показать, как упало настроение.

Нет, она отлично представляла себе, что после того, как выполнена их основная Задача – То есть, уничтожение орбитальной обороны планеты! – в бой вступают остальные силы Флота: мощные и очень дорогие корабли. Особенно страшен Краулер-раптор. Ещё не известно случая, чтобы после его действий хоть кто-то выжил на выжженной, прошитой всеми видами жёсткого излучения, и буквально стёртой с лица земли, поверхности...

Её размышления прервал вежливый вопрос клерка:

– Прошу прощения, господа офицеры! За вами уже очередь! Вы будете получать деньги?

Действительно: у входа в кассу уже толпились, перебирая виртуальные кнопочки на мобилах, или уже с кем-то тихо переговариваясь, и не осмеливаясь приблизиться к экипажам танков, офицеры обычных боевых кораблей: этих самых Фрегатов, Эсминцев, Раптора... Да и правильно, что внутрь помещения никто не заходит: экипажи танков отличаются повышенной чувствительностью: могут учуять, какое к ним отношение – учуять, словно собака – взрывчатку.

Потому что так обычно и бывает: мысли о них – взрывчатка! Невозможно преодолеть стойкое подсознательно брезгливое отношение к ним, спаянным в одно целое, со стороны остальных – законченных индивидуалистов! Эгоистов. Мнящих себя – Центрами Вселенной, и ни за что не согласившихся бы *добровольно* отдать свой *дух* в подчинение лидеру тройки, и терпеть чьи-то, пусть мысленные, но – приказы...

Поэтому правильно, что Устав запрещает остальному флотскому составу находиться к ним, экипажам, ближе трёх шагов. А что: здравая предосторожность.

Чтобы не получилось, как с последним «клиентом» там, в баре...

И все они, экипажи танков, отлично осознают это. И свою уникальность. И незаменимость. Недаром специальным Приказом всем им придан Особый Статус.

Но!

Все они – изгои. Чужаки. Которых боятся и не понимают, почти как тех же Сверков. Потому что танкисты – настоящие боевые Монстры с извращённо-утончённым сознанием и чутьём!..

Окружённые ореолом остракизма, они не входят в состав, и не общаются с военнослужащими никаких других подразделений.

Но – без них невозможна не то, что победа – а хотя бы паритет сил!..

Эльдар, помрачнев, повернулся к столу, протянув руку запястьем наружу:

– Да, капрал. Прошу вас. Капитан Селяметов. Код дзета сто шестьдесят два дробь один.

Кассир провёл над чипом в запястье универсальным кодировщиком:

– Прошу вас, капитан. Деньги загружены.

У кабины транспортёра уже стояли другие офицеры. Не танкисты.

Однако когда подошла тройка Ленайны, все отступили в сторону, не забыв, впрочем, очень чётко и вежливо откозырять. Экипаж Ленайны ответил на приветствие. Хотя форменная фуражка никогда Линде не нравилась, Ленайна отметила, что на ней даже та сидит как-то... Сексапильно – ну вот никуда от этого не денешься!

У неё как всегда захватило дух: от восторга, что это – *её* женщина!

Но – и от ревности: проклятые самцы в кителях только что не облизывались! А уж масляно-пошлыми глазками как посверкивали...

Но не будешь же бить их всех, как бы не хотелось?!

В кабину первой зашла Линда: Ленайна буквально впихнула её туда, грозно зыркнув из-под нахмуренных бровей на остальных офицеров. Никто из них не проронил ни слова, отвернувшись в сторону, друг к другу, или сделал вид, что углублён в разговор по телефону. Через минуту, когда фигура напарницы исчезла, унесясь в их любимую гостиницу, Ленайна буркнула:

– Михаил. Теперь – ты.

Миша, не ожидавший такого, даже не смог с первого раза верно набрать код... Но всё равно – через минуту исчез и он. Ленайна выдохнула.

Путешествие в виде пучка не то – электронов, не то – фотонов, хоть и происходит мгновенно, и позволяет обходиться без огромного расхода топлива, как было у старых челноков, перевозивших отдыхающую смену моряков до поверхности планеты, её слегка раздражало. С другой стороны, развлечений, что на Флагмане, что на их Линкоре – кот наплакал. Да и драки с другими офицерами Командующий запретил. Категорически.

В холле гостиницы особого наплыва клиентов не наблюдалось. Ленайна подумала, что город Тагор, выбранный ими наугад из списка других провинциальных городишек планеты Кастор, вполне отвечает понятию «тихое болото». Как раз замечательно для отдыха. Восстановления так сказать, моральных и физических сил. Да и вообще – для переключения внимания, и неизбежно возникающих «на отдыхе» «не полагающихся» мыслей и эмоций...

Она прошла к стойке регистрации. Линда помахала ключами: уже взяла их у портье. Ленайна перевела взгляд: за стойкой сегодня стоял незнакомый молодой мужчина с тоненькими ниточками коричневых усов, и родинкой на щеке. Он, не скрывая удивления, смешанного с восторгом, пялился на неё и её униформу. Однако вежливо поздоровался не забыл. Она небрежно кивнула.

Затем повернулась к напарнице:

– А где Миша?

– Пошёл сразу в бар. Ему не терпится начать.

– Ладно. Поехали, подождём его в номере.

Президентский люкс, пожизненно забронированный за экипажем «Волчицы», и оплачиваемый Государством, находился на пятнадцатом – самом верхнем! – этаже. Да и правильно: не такой Тагор большой город, чтобы строить здесь небоскрёбы повыше...

Лифтёр сразу вознёс их куда нужно – знал в лицо:

– Здравствуйте, капитан Мейстнер! Здравствуйте, старший лейтенант Мейстнер! Добро пожаловать в «Плазу»! С благополучным возвращением!

– Спасибо, Билли. – Ленайна ответила за двоих. Линда вообще не очень любила общаться с посторонними, (Обычное стеснение, ошибочно принимаемое теми, кто не мог «читать» мысли и эмоции, за высокомерие!) а Ленайна чувствовала в мозгу старика подлинное восхищение той работой, которую они выполняют. И – никакой предвзятости!

Похоже, он очень хорошо почуял на собственной шкуре, и отлично помнил, каково приходилось людям, когда по всем фронтам Сверки их теснили, уничтожая людей буквально словно тараканов – миллионами! И жить стало настолько тяжело, что иногда и продовольствен-

ные карточки нечем было отоварить... А вот молодое поколение, похоже, никак не поймёт, *что* сделала, переломив все флотские традиции и стратегию, Армия!

Когда только реорганизация Флота, и создание спаянных внутренними узами троек – Экипажей танков, стального ударного острия боевых соединений, без которого никакая атака никаких соединений на вражеские Базы или эскадренные Соединения не стала бы успешной! – позволила отстоять, да фактически и просто – спасти их, людей, Миры!

Через три секунды, когда лифт остановился на верхнем этаже, Ленайна заставила себя отвлечься от мыслей о прошлом.

Да, к двадцати годам она уже пять лет отпахала на дрожжевой фабрике, и спасало от всё нарастающего желания выть, или прыгнуть вниз головой с десятиэтажного здания Мэрии ближайшего города только то, что за два года до этого она познакомилась с Линдой.

Линда была на полгода её моложе. Правда, базовое обучение проходила в другой Группе. Но её озлобление оказалось направлено на конкретные объекты: Линда понимала, что так затянуть пояса, и закрутить государственные гайки, забыв про «права», привилегии, и сытое обеспеченное существование с шестичасовой рабочей сменой, их всех заставляет именно война со Сверками.

И когда в очередных новостях сообщили о новых Постановлениях, и открывшемся наборе, именно Линда предложила пойти попробовать свои силы и «слаженность мышления» – ну правильно, а что им было терять-то, после «любимой» Фабрики-фермы?!

К своему удивлению Ленайна обнаружила их фамилии третьими с начала в списке принятых к обучению кандидатов.

Сразу после этого они официально расписались, гарантируя таким образом партнёру, что он наследует в случае смерти всё «совместно нажитое имущество»...

Линда взяла фамилию Ленайны. (А вот Миша, спустя семь лет присоединившийся к ним, предпочёл оставить свою. Хотя завещание тоже оформил сразу. На них.)

Семь лет каторги под названием «учёба»: три – в начальном, четыре – в Академии.

И три года боёв. И рейдов.

Боже, каких только их не было!..

Но им до сих пор везло. Потому что по статистике экипаж танка живёт лишь двадцать семь схваток-рейдов.

На их же счету – пятьдесят пять. Хочется верить, что это – результат грамотных и чётких действий, а не слепая Удача...

Поправив рукой пышные, сегодня – рыжие, волосы перед зеркалом в коридоре, Ленайна приложила ладонь к пластине-сканнеру у двери. Бронеплита уползла в стену, приятный женский голос сказал негромко:

– Добро пожаловать, капитан Мейстнер, добро пожаловать, старший лейтенант Мейстнер. Рады видеть вас снова. Что вам угодно?

– Что нам угодно... – Ленайна пошкребла подбородок, и решила уточнить, – Что мы там заказывали в прошлый раз при возвращении?

– Три бутылки шампанского «Дом Периньон» две тысячи девятьсот сорокового года, килограмм чёрной икры, литр водки «Русская», крабовое ассорти, фруктовое ассорти, три курицы гриль, шашлык из печени, фуагра, салат а ля... – по мере того, как голос компьютера-диспетчера перечислял, Ленайна кивала, автоматически отмечая, что они прикончили тогда, в прошлую «оргию», а что осталось почти не тронутым.

А чего и не достало для полного удовольствия...

– Хорошо. Повторить весь заказ. Добавить две бутылки минеральной воды «Аква», и во фруктовое ассорти вместо манго положить больше лайма и киви.

– Заказ принят. Благодарим за внимание.

Ленайна прошла в спальню, сняла так нервирующую униформу. Эта узкая юбка миди ужасно неудобна даже для ходьбы, пусть она и делает её ноги, и особенно колени, «чертовски привлекательными» по мнению большинства окружающих – даже Миши. Китель с погонами она повесила на вешалку в шкаф, юбку всё же кинула в аппарат стирки-глажки. Юбка запылилась. А китель потерпит: лень отстёгивать лишний раз погоны.

Обернувшись, Ленайна обнаружила, что Линда уже скинула прямо на пол их шикарно-помпезной гостиной в стиле барокко всю одежду, и отправилась нежиться под тёплыми струями душа, оставив дверь ванной открытой.

Ленайна, задержавшаяся на пороге, фыркнула:

– Придурок Миша. Лишается такого зрелища!

– Ничего он не лишается! – Миша в расстёгнутом кителе прислонился к косяку входной двери – вот чёрт! Она даже не заметила, когда он вошёл! Так залюбовалась телом супруги, – Уж Миша-то знает, когда надо появиться на сцене! Кстати, выпивку заказали?

– Да. – Ленайна вошла в отделанную кафелем с картинами природы душевую, где, как всегда, пахло сандалом и чёртовой Шанелью, и залезла к Линде в ванну, скорее, напоминавшую размером приличный бассейн. Взяла с полки мочалку и мыло.

Миша поспешил тоже отделаться от остатков одежды, и, сопя и вождедея, присоединился, подставляя мускулистое тело под тёплые упругие струи, бьющие словно со всей поверхности потолка.

Отобрал у Ленайны мочалку. Щедро её намылил. Потребовал:

– Ну-ка, вы! Самые симпатичные задницы в Галактике! Развер-р-нуть эти самые задницы ко мне! – Ленайна и Линда, переглядываясь, и сплетясь руками, так и сделали.

Миша тёр, не стесняясь – знал, что массаж, особенно жёсткий, отлично снимает нервное напряжение, а мыло и вода очищают. Тело и душу...

Так что когда тела женщин сверху и донизу стали горячими и розовыми, он перешёл на ласки руками и ртом.

Как всегда, вскоре он оказался между ними, успевая отвечать на их поглаживания и поцелуи. Ленайна застонала, как никогда ощущая удовольствие партнёрши: теперь они с Мишей переключились только на ласки тела Линды в самых интимных местах, опустившись на колени, и поддерживая Линду так, чтобы она оказалась прямо перед ними, прислонённая спиной к мягкой стенке ванны, и удерживаемая от падения только их сильными руками.

Миша, оторвав на секунду губы от упругой кожи Линды, приказал:

– Самый мелкий дождь! Сухое мягкое дно!

Поток капель из наконечников сменился сверхмелкими брызгами – почти туманом, тёплым облаком укутавшим троицу. Миша помог Ленайне спустить ставшее податливым и ослабленным тело чуть слышно ахавшей и постанывающей партнёрши на мягкий тёплый пол, с которого уже ушла вода. Ленайна, не в силах больше сдерживаться, и рыча от охватившей её страсти, зарылась губами в нежный шёлк волосков на лобке: Линда никогда не брила их!

Тренированный язычок попал как раз куда надо: Линда тоненько вскрикнула!

Ленайна снова зарычала, и удвоила натиск! Руки прижимали точёные ягодички так, что деться кошечка партнёрши теперь не могла никуда! Миша передвинулся, и занялся грудью Линды: соски уже набухли и затвердели!

Линда уже не кричала: закрыв глаза, только мотала головой и постанывала...

От этого звука у Ленайны внутри всё буквально переворачивалось: кровь как всегда затопила лицо и шею, желание слушать это ещё и ещё, доставить наслаждение своей лучшей половине, жене, сестре, дочери – в одном лице, заливало всё её существо, словно поток, прорвавший плотину! Она ещё усилила натиск языком, стиснув ягодички партнёрши так, что заныли пальцы! Линда задрожала, широко открыла рот, выгнулась в немыслимую дугу... И вдруг забила в мощных конвульсиях, выкрикивая что-то бессвязное и не всегда цензурное!..

Они с Мишей плотоядно переглядывались, и удерживали...

Когда оргазм прошёл, они вытерли, и отнесли чуть подрагивающее тело на постель спальни. Бережно уложили под шикарное одеяло: Линда уж так устроена, что кончает только один раз, хоть и долго!

Но уж зато после этого отключается на добрых три часа...

Миша и Ленайна вернулись в ванну.

Теперь он развернул её к себе спиной, и рычал сам. Ленайна, вспоминая лицо и кошечку Линды, массировала свою грудь сама – Боже, какой же всё-таки у Миши здоровый!.. Каждый раз кажется, что проткнёт её насквозь!..

А ей, если честно, только этого и хотелось: чтобы кто-то схватил её Душу, перевернул её так, чтобы забылся весь этот ужас, этот липкий и скользко-тягучий страх, это дикое напряжение боя, который хоть и занимает минуту-две, а сил забирает – словно неделя перетаскивания мешков с дрожжами!..

Ощувив приближение пика, Ленайна повернула искажённое лицо к Мише:

– Да! Да! Ещё!..

Миша, закинув голову и раскрыв рот в крике, наддал – совсем как она недавно!

Ленайна забилась в крепких руках, понимая, что сама устроена совсем не так, как более тонкая, и остро всё чувствующая, но и куда менее выносливая Линда...

Но это и прекрасно! Значит, они – вполне гармоничная пара!

Нет! Теперь уже – тройка!

Крик её совпал с финальным рычанием Миши: он склонил голову, сотрясаемый синхронными с ней конвульсиями. Ленайна завывала, схватившись за жилистые кисти, удерживавшие её таз – Миша вскрикнул: опять расцарапала ногтями его пальцы!..

Да и ладно.

Затем, спустя вечность, они отвалились друг от друга, разъединившись из единого Целого...

Снова вымыли друг друга, и, завернувшись в халаты, отправились ужинать.

Миша налил ей шампанского в высокий фужер с тонкой ножкой. Себе – водки, в пузатую толстую рюмку-бокал. Лёд он никогда не добавлял – предпочитал ликёры.

– За Вечность!

– За Вечность!

Вторую разлили и выпили практически сразу. Стоя:

– За тех, кто ушёл!

Третью традиционно смаковали.

Теперь, когда боевой вылет позади, у всех участвовавших в рейде экипажей будет минимум три-четыре дня, чтобы расслабиться, «снять нервное напряжение», отдохнуть и прийти в себя перед следующим вылетом.

Ленайна более-менее хорошо знала, как проводят время и снимают «нервное напряжение» остальные тройки: Селяметовы, облюбовавшие шумный портовый город Анкоридж, пойдут опять в бордель сестёр-ритониек, где перетрахают всех, кто хоть чуть-чуть похож на узкоглазеньких: малаек, филиппинок, бурятков...

Тройняшки Могенара, живущие в отвоевавшем от джунглей плоский, словно стол, плацдарм, Роаноке, сожрут целиком тушу жаренной газели Томпсона, а затем будут два дня отлёживаться, рыгать, корить друг друга за отсутствие тормозов в еде, и страдать от изжоги.

Пауэрсы в своём Ньюдюнкерке просто перепьются до бессознательного состояния... Они предпочитают скотч.

Особняком стоит только экипаж Симмонсов: там близняшки – брат с сестрой, не принимают в «узы» семейного секса пожилого отставного сержанта-техника. Но это не мешает им

отлично работать. Они всегда до умопомрачения слушают тяжёлый рок... И курят. Разумеется, не безобидную травку.

– Скажи, Миша... Если не удастся восстановить Мать, мы возьмём совершенно новый бортовой комп? Или... Попробуем всё же впихнуть в него старую мнемоматрицу?

Миша, почёсывая отсвечивающий капельками пота, бритый затылок, сказал:

– Знаешь, я предпочёл бы постараться восстановить ту, старую. Пусть и немножко не дотянувшую до последних операций – но – нашу. Я привык к ней. Да и «Волчицу» она знала, как облупленную.

– Да, и я к ней привыкла. – Ленайна уже отстегнула парик, и теперь сидела в таком же виде, как ложилась в саркофаг: с голым, готовым принять контакты тысяч электродов, черепом, сейчас, как и у Миши, отблёскивавшим капельками пота.

Так она чувствовала себя свободней. Линдин парик уже сушился на первой из трёх подставок в углу с визио, которое они вообще включали только в исключительных случаях – экзальтированно-шумными развлекающими программами, как и «свежей» музыкой, или сверхпрофессиональными футбольными матчами, или боксом, или интеллектуальными викторинами, из танкистов, насколько она знала, почти никто не интересовался. Большинство предпочитало передачи о природе, или просто – красивые пейзажи...

Миша всегда просил не снимать парики до того, как они вымоются – «без волос» они, по его уверениям, «Куда хуже смотрятся. И не так сильно... Возбуждают».

Как мужчине ему, конечно, видней... Ленайна не видела, почему бы не пойти здесь навстречу просьбам техника. Всё-таки, члены Семьи должны понимать и поддерживать друг друга. Особенно в таком важнейшем деле, как секс.

– Жаль, не догадались скопировать перед этим вылетом. Теперь про новую тактику «удара из-под дна» придётся брать для новой Матери данные из чёрного ящика.

– Э-э, ерунда. На то и инженеры. Перепишут. Ну, за Защитников?

– За Защитников.

Миша всегда водку вливал в себя почти не глотая, высоко задирая голову: так, чтобы она словно пролетала в глотку сходу, не задерживаясь во рту. (Так что непонятно, для чего всегда добавлял разных экзотических ликёров!) Ленайна не то, чтобы не одобряла – каждый пьёт так, как привык, и то, что привык.

Сама она наслаждалась именно вкусом пузырьков, лопающихся под нёбом, запахом, ударявшим в ноздри «с той стороны», нежным послевкусием... И той восхитительной лёгкостью, которой наполнялось тело... И голова... После настоящего шампанского.

– Ленайна. А вот скажи честно. – Миша смотрел хмуро, исподлобья, – Если бы ты сразу узнала, каково это – воевать в экипаже танка... Пошла бы во Флот?

Плохо. Раньше Миша этого вопроса раньше третьей бутылки не задавал. Значит, сильно форсировал события ещё в баре. Значит, что-то его гложет... Но ответить...

– Если честно – пошла бы. А вот если бы к тому времени у меня не было Линды... Или кого-то ещё – никогда! Мне и в голову не пришло бы, что человек может быть не сам по себе, а – вместе. Семейй... Нет сейчас этого древнего понятия – я знаю о нём только потому, что специально читала... А ты? Если бы всё – вернуть назад! – пошёл бы во Флот?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.